

АННА ПАВИНА

РЖАВЫЙ КЛЮЧ

Анна Павина

Ржавый ключ

«Автор»

2026

Павина А. С.

Ржавый ключ / А. С. Павина — «Автор», 2026

Городок Ржавый Ключ не значится на картах. Здесь не бывает туристов, зато люди исчезают регулярно — раз в семь-десять лет, всегда в одну и ту же ночь, когда старый колодец на площади замолкает на одиннадцать секунд. Тринадцатилетняя Эмми слишком любопытна, чтобы не замечать странности, и слишком упряма, чтобы молчать. Когда в городке пропадает часовщик, она вместе с верным, вечно ворчащим Тимми начинает собственное расследование. Следы ведут в прошлое: к легенде о двух девочках, исчезнувших в лесу тридцать лет назад, к ржавому колодцу за домом тёти Марго — и к тайному обществу, которое слишком долго пытается приручить то, что живёт в глубине. Кто-то очень не хочет, чтобы Эмми докопалась до правды. Но она уже слышит шёпот. И этот шёпот становится всё громче.

© Павина А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Павина

Ржавый ключ

Глава 1

Тишина

Воздух в забытом всеми городке по утрам был особенным. Густой, как сироп, он пах влажными камнями на мостовой, дымом из каминных труб и чем-то ещё — сладким и старым, будто сама улица вспоминала вчерашний сон.

Эмми вдохнула его полной грудью, стоя на невысоких скрипучих ступенях парадного входа в дом тёти Марго. В груди защекотал холодок, а по спине пробежала колючая волна мурашек — то ли от утренней прохлады, то ли от странного предчувствия. А на языке остался привкус мёда и пыли.

— Эммилда, ты хоть поела?! — из кухни донёсся голос тёти, привычно строгий, но без настоящей сердитости. День начался слишком хорошо, чтобы сердиться.

— Поела! — крикнула в ответ Эмми. Горло на миг перехватило, будто она соврала о чём-то куда более важном, чем завтрак.

Эмми спрыгнула со ступенек, чувствуя, как подошвы кроссовок утопают в мягкой, обжигающе холодной земле у палисадника.

На шее у неё висел верный спутник — маленький тёмный ключик с причудливой головкой. Металл был холодным и удивительно тяжёлым для своего размера; она привычно перекаtywала его пальцами, чувствуя знакомые грани. От этого прикосновения в подушечках отозвалось лёгкое покалывание.

Эмми нашла его в семь лет среди развалин старой оранжереи, и с тех пор он всегда был с ней. Она верила, что находка — это её талисман, и однажды он отопрёт нечто очень важное. Для неё эта безделушка была не просто ценностью — она олицетворяла обещание.

И в этой тишине, подстроившейся под её дыхание, скрип колодца на площади вдруг оборвался.

Городок просыпался лениво, нехотя. Из трубы в булочной «У Моники» уже вился дымок. Где-то вдалеке лязгнула дверь, кто-то звал кого-то хриплым, сонным голосом. Но в основном царило безмолвие — слишком глубокое для места, где живут люди. Эмми почувствовала, как эта немая пустота начинает давить на барабанные перепонки, вызывая глухой гул в голове.

Она шла вдоль мощёной улочки. Воздух слегка щипал ноздри, а взгляд скользил по привычным деталям. Вот дом с глухими, покосившимися ставнями — там жил мистер Элфорд, вечно недовольный всем на свете. А вот и магазин «Сто мелочей», где продавали всё подряд — от гвоздей до леденцов. Она зашла за мятными конфетами.

В тот же миг за прилавком скрипнул стул — миссис Грейвс, самая главная сплетница городка, резко отвернулась к полкам с консервами, сделав вид, что увлечённо изучает состав сардин в масле. Артур Рид, не глядя на Эмми, протянул покупку и взял деньги. Его пальцы были холодными и сухими.

Она взяла леденцы и вышла. За спиной раздался облегчённый вздох миссис Грейвс и шёпот:

— Слава богу, ушла. А то, как на духу стоишь — всё кажется, сейчас что-нибудь стрясётся...

Она прошла мимо старого колодца — того самого, чей скрип был частью утренней рутины. Но сегодня что-то было не так. Звук, доносившийся с площади, оборвался на самой высокой ноте, захлебнулся — и замолк. На смену ему воцарилась абсолютная тишина.

Даже вороны на крыше почтового отделения, обычно горластые и суетливые, сидели нахохлившись и не издавали ни звука. Все они устали в одну точку на восток, будто ждали какого-то сигнала. В этой неестественной паузе в животе у Эмми завязался тугой узел.

И она непроизвольно повернула голову. Её взгляд сам потянулся через крыши домов — туда, за дом тёти Марго, где стоял другой колодец. Тот, что безмолвствовал всегда.

И ей почудилось, будто с той стороны донёсся стон... или тихий вздох... или звон, словно стеклянная струна ударила о камень.

Она сжала свой амулет. И в тот миг ей показалось, будто металл отозвался едва заметной вибрацией — словно крошечный моторчик запустился где-то в его глубине. Сердце Эмми пропустило удар, а затем забило так сильно, что каждый толчок отдавался в висках. Было ли это на самом деле или просто откликнулось её собственное, участвовавшее сердцебиение — Эмми не поняла. Но оно забило чаще не от страха, а от предвкушения. Это был знак.

— Ищешь кого? Или что-то потеряла?

Эмми вздрогнула так сильно, что зубы едва не клацнули друг о друга. В воротах гаража стоял старик Элайджа. Опираясь на костыль, горбатый, вечно жующий что-то, он смотрел на неё с ленивым интересом.

— Утро встречаю, дед, — уклончиво ответила она, чувствуя, как в коленях появилась странная слабость.

— Утро тут одинаковое, дитя... — хрипло рассмеялся он. — А вот глаза у тебя беспокойные. Опять по своим делам? — Он махнул рукой в сторону густого леса, который чёрной стеной стоял на окраине. — Там тебе и ответы искать. Лес помнит всё.

— А люди? Люди тоже помнят? — чуть слышно выдохнула Эмми, не ожидая ответа.

— Люди, дитя... Люди стараются забыть. А то, что стараются забыть, всегда возвращается бумерангом. Вот и вертится он над нашими головами, ждёт своего часа. И хорошее, и не очень.

Эмми молча кивнула. Она почувствовала, как по затылку потянуло сквозняком, хотя ветра не было. Элайджа был одним из немногих, кто не отмахивался от её вопросов. Казалось, старик знал больше, чем говорил.

В это время скрип на площади возобновился — сначала робко, потом как обычно. Рутинная взяла верх. Но в сознании Эмми что-то щёлкнуло: «Почему замолк один колодец, а другой словно вздохнул?» Она повернулась, чтобы спросить об этом, но увидела, как старик медленно заковылял вглубь гаража. Дверца за ним захлопнулась, оставив в воздухе лишь лёгкий запах машинного масла.

Её взгляд упал на маленькую мастерскую часовщика через дорогу. Эмми замерла, вглядываясь в пыльное стекло. В горле стало сухо, как после долгого бега. «Странно», — подумала она. Обычно в это время Эдгар уже открывал ставни и выносил на ступеньки столик, чтобы покормить птичку. Сегодня та беспокойно прыгала поблизости, будто ожидая угощения.

Эмми подошла ближе и заметила кое-что на пороге. Маленький кожаный шнурок, который часовщик всегда носил на запястье, лежал, зажатый дверью, будто мастер так спешил уйти. «Где он?»

И тут же в памяти всплыли слова тёти за утренним кофе:

— Странно, Эдгар так и не зашёл за своими часами... Он же вчера позвонил поздно вечером и сказал: «Заберу первым делом утром — они очень нужны».

Новичок, недавно приехавший, чтобы ухаживать за старой мастерской, тихий и немного странный — его исчезновение не вписывалось в привычный ритм. Прошлая волна странностей была всего пять лет назад — это воспоминание мелькнуло у неё в голове. Пропажа мастера

была иным, личным событием. Это ощущение заставило Эмми сильнее заинтересоваться старой тайной, и ей захотелось обсудить её прямо сейчас.

Она рванула к дому своего лучшего друга. Дыхание со свистом вырывалось из груди, а в боку начало покалывать. Она почти не смотрела по сторонам, зная, где его искать в это время: Тимми обычно сидел на низком каменном ограждении возле крыльца, с тоской глядя на дорогу к школе и доедая бутерброд.

Так оно и было. Тимми, свесившись с перекладины, смотрел в небо, где плыли беззаботные облака, и мечтал о чём-то далёком — наверняка не связанном с контрольными по математике.

— Тимми!

Её голос прозвучал как выстрел, спугнув воробья с ветки рябины. Друг вздрогнул, едва не уронив остатки завтрака.

— Что? Опять? Я не готов! У меня сегодня...

Эмми, запыхавшись, упёрлась руками в колени:

— Часовщик... он пропал.

Тимми скептически хмыкнул, спрыгивая с ограждения.

— Пропал? С чего ты это взяла? Может, уехал? Или спит? А может, ему просто... надоело?

— Он не покормил воробья, — заявила Эмми так, будто сообщала самое неопровержимое доказательство в мире. Её голос дрожал от возбуждения. — И его верёвочка, которая была всегда на его запястье... она валяется на полу, застрявшая в двери. Тимми, послушай меня, вряд ли бы он просто так её выбросил.

Он посмотрел на неё, и Эмми увидела, как его собственный скепсис тает, сменяясь очень холодным страхом. Он сглотнул, и этот звук в тишине улицы показался оглушительным. Она увидела, как он пытается найти ещё какие-то разумные доводы в своём безопасном, обыденном мире, но его взгляд упёрся в её горящие глаза.

Он вздохнул. Этот вздох означал: «Я терпеть не могу твои авантюры, но, если ты куда-то лезешь, я волей-неволей тащусь следом — иначе тебя точно убьют, а мне потом будет скучно».

— Ну хорошо, — он с обречённым видом отряхнул ладони от крошек. — И что мы будем делать?

— А что делают люди, когда дверь заперта? — Эмми уже разворачивалась и шла обратно, а Тимми, крича, поплёлся за ней. — Мы попробуем её открыть.

И вот они уже стояли перед мастерской. Эмми дёрнула ручку, хотя знала: та не поддастся. Тимми нервно покручивал подошвой кроссовок по брусчатке.

— Может, и вправду уехал? Зачем нам лезть в чужие дела?..

— Это странно! — Эмми обернулась к нему. Лицо её побледнело. — Как ты этого не понимаешь?! Он исчез, Тимми! Как исчезали другие. И если все будут делать вид, что ничего не случилось, то и нас когда-нибудь просто не окажется на этом месте — и все тоже промолчат!

Она посмотрела на запертую дверь, потом на Тимми, и в её глазах горел тот самый огонёк, которого он так боялся. Огонь, перед которым все его разумные доводы обращались в пепел. Дверь молчала, отвечая на их безмолвные вопросы лишь глухим стуком замка об дерево.

— Может, всё-таки закрыл мастерскую и укатил по своим делам, — снова заныл Тимми. — Мало ли дел у часовщика в большом городе?

— А часы? — не отрывая взгляда от замочной скважины, тихо спросила Эмми. — Утром он так за ними и не пришёл. Так не уезжают.

Она перебирала пальцами холодный металл талисмана. Он был бесполезен для этой двери, но его привычная форма успокаивала. «Может, это и есть тот самый момент для этого ключика?»

— Забудь, — вздохнул Тимми, видя её сосредоточенное лицо. — Сегодня не получится. Слышишь?

Дверь молчала. В замочной скважине что-то тускло блеснуло — но не сталь замка, а клочок серой бумаги, засунутый глубоко внутрь. Из-за угла слышались шаги и голос почтальона. Улица просыпалась, и любая попытка сейчас была бы сразу замечена. Эмми сморщила нос, она посмотрела на замок, потом на Тимми — и в её взгляде родился новый, твёрдый план.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась она. — Не сегодня.

Эмми развернулась и пошла прочь. Она шла, чеканя шаг, а её ключ на груди ритмично бился о рёбра, словно второе сердце — более смелое и решительное. Но Тимми знал: это не отступление. Это была лишь передышка. Он видел, с каким упрямым интересом она окинула мастерскую, запоминая каждую щель в ставнях и трещину на подоконнике.

Тимми вздохнул с облегчением и тревогой одновременно. Передышка — это хорошо. Но он знал ту самую решимость, которая всегда заканчивалась тем, что они едва выбирались целыми из какой-нибудь трубы или подвала.

Они шли в сторону дома, а за их спинами запёртая дверь продолжала хранить свою тайну. Она была закрыта сегодня, но не навсегда. Эмми глубоко вздохнула. Городок слегка замер, но она-то знала, что это было обманчивым. И это спокойствие было тонкой плёнкой льда на поверхности тёмной, глубокой воды. А под ногами уже пошли первые трещины.

Глава 2

Городок, который старался забыть

На самых старых картах этого места не было — он был затерян среди холмов и густых, почти чёрных елей, будто сама природа постаралась скрыть его от посторонних глаз. Добраться сюда можно было лишь по единственной грунтовой дороге, петлявшей между скальных выступов и давно заросшей колючим кустарником.

Если стоять на небольшой горе, то весь городок лежал как на ладони: в два десятка домов с тёмными деревянными фасадами и замшелыми каменными фундаментами, низкие каменные ограды. Воздух здесь был кристально чистым, он пах хвоей и какой-то звенящей пустотой. Но в самом конце, почти у края леса, стояла та самая мастерская — тёмная и молчаливая, как запечатанная тайна.

Это место будто жило со своей неторопливой жизнью. Здесь не было ничего примечательного. И в этом заключалась его главная прелесть для одних — и основная загадка для других.

Местные предпочитали не вспоминать, что раз в семь–десять лет безмолвие прорезал один и тот же леденящий душу звук — вой полицейских сирен, ищущих очередного пропавшего. Сначала это были девочки — Лора и Вера. Потом — смотритель старого маяка. Затем — молодые исследователи из города... Список был длинным и тщательно замалчиваемым. Все они исчезали в ночь, когда колодец на площади замолкал на одиннадцать секунд.

Эмми вдруг вспомнила эту деталь из старого разговора с тётей. В горле мгновенно пересохло, а голос стал тихим и хриплым:

— Говорили, это — знак того, что дверь открыта. И остаётся только пыль на подоконнике... и ключ.

Официальные версии всегда повторялись: заблудился в лесу, сорвался с утёса. Люди принимали их, делая вид, что верят, и снова погружались в быт, поспешно засыпая прошлое песком забвения. Они не хотели знать, они просто боялись.

Казалось, этот цикл будет длиться вечно. Но теперь тишина снова стала звенящей и многозначной — полной давних ужасов, которые, наконец-то, кто-то услышит. Именно эту тишину, набухшую историями, они сейчас и нарушали.

Эмми потянула ручку двери мастерской ещё раз — чисто символически, лишь чтобы ощутить под пальцами холодное, непоколебимое упрямство замка. Дверь не поддавалась, ответив глухим стуком.

— Ладно, — Тимми с обречённым видом потёр ладони, которые заметно подрагивали. — И что теперь? Силой мысли открывать будем? Или призовём духов?

— Духи тут и так уже при деле, — буркнула Эмми. Она почувствовала на языке странный металлический привкус, какой бывает перед сильной грозой. — Сначала разведка. Потом — штурм.

Она отступила на шаг. Растрёпанные каштановые пряди лезли в лицо, и она сердито откинула их назад липкими от волнения пальцами. Взгляд скользил по почерневшим стенам.

— Никто просто так не исчезает, — в её голосе зазвучало то самое упрямство, от которого у Тимми всегда начинало ныть под лопаткой. — Должны же быть следы. Иначе в этом списке появится новое имя.

— Следы? — Тимми неуверенно посмотрел вниз, на треснувшую каменную плитку тротуара. — Тут полгорода прошло за неделю.

— Не эти, — Эмми уже двинулась вдоль фасада, проводя ладонью по шершавой поверхности. Стена была тёплой от солнца, но от неё почему-то веяло холодом.

Её пальцы нащупали глубокую царапину на дверном косяке — наследие одного из прошлых исследований, не имевшее отношения к сегодняшнему дню.

— Следы спешки, отметины борьбы или... знаки того, кто очень старался ничего после себя не оставить.

Она замерла у угла, где густая ежевика, похожая на спутанный клубок колючей проволоки, яростно взбиралась по камням среди тёмной, почти траурной зелени. Среди ветвей мелькнул тусклый металлический отблеск. Эмми, не раздумывая, нырнула руками в самую гущу веток.

— Эмми, стой! Там же шипы! — вскрикнул Тимми, дёрнувшись к ней, но было уже поздно.

Острый, загнутый назад шип с сухим треском впился в нежную кожу запястья. Эмми резко отдернула руку, и длинная тонкая царапина тут же налилась пунцовой кровью. Она лишь закусила губу, глядя не на рану, а на свою добычу на земле.

Но Тимми уже был рядом. Он бесцеремонно перехватил её ладонь, заставляя отвлечься от тайны.

— Ну вот куда ты лезешь? Вечно ты так... — пробормотал он. Голос его, обычно ворчливый, сейчас мелко дрожал. Он бережно перехватил её ладонь.

Эмми почувствовала, как её собственный старинный талисман на груди — тот самый, с тяжёлой литой головкой, — качнулся и ударился о рёбра, будто ревниво напоминая о себе. Но сейчас её внимание было приковано к другому.

Тимми достал из кармана чуть помятый, но чистый платок и осторожно прижал его к порезу. На мгновение мир вокруг — с его исчезнувшими часовщиками и зловещими тенями — перестал существовать. Была только эта пульсирующая точка боли на руке и сосредоточенное лицо друга, который смотрел на её царапину так, будто это была смертельная рана.

— Заживёт, Тимми, — тихо сказала Эмми, и её голос вдруг утратил всю свою боевую жёсткость.

— Конечно, заживёт, — он поднял на неё глаза, и в их глубине Эмми увидела такое отчаянное беспокойство, что в животе снова завязался узел, но на этот раз — тёплый. — Но в следующий раз сначала скажи мне. Я... я бы просто отодвинул ветки курткой.

Он ещё секунду не выпускал её ладонь, прежде чем Эмми, смутившись, осторожно высвободилась, чтобы указать на находку.

На земле, среди примятой травы, лежал совсем другой ключ. Он не был похож на изящную безделушку Эмми. Это был грубый, современный инструмент — плоская полоска никеля с острыми, неровными зазубринами. Он блестел на солнце холодным, «магазинным» блеском, и на его боку виднелась глубокая свежая царапина, будто его с силой вырвали из замка.

— Это от мастерской? — шепнул Тимми, не решаясь прикоснуться к находке.

— Нет, — Эмми прищурилась, сравнивая тяжёлый чёрный ключ на своей шее с этим светлым обломком на земле. — Тот, что от двери у Эдгара, был длинным и медным. А этот... этот от чего-то маленького. Может, от шкатулки? Или от того самого ящика, который он всегда запирает, когда я захожу?

И в этот самый миг Эмми почувствовала на себе тяжёлый взгляд. Он был почти физическим — будто холодный паук медленно прополз по её затылку, оставляя за собой липкий след. Кожу на шее защипало, как от ожога крапивой, а дыхание на мгновение перехватило.

Она резко обернулась. Улица была пуста, а из трубы булочной «У Моники» по-прежнему вился беззаботный дымок. Но в одном из окон, за полуприкрытыми жалюзи, ей почудилось движение — будто мелькнула тень.

Сердце Эмми пустилось вскачь, ударяя в рёбра с такой силой, что стало больно дышать: кто-то видел, что мы нашли. На улице никого не было, дома будто застыли в послеобеденной дреме. Не слышалось ни голосов, ни лая собак — лишь назойливое жужжание мухи, бьющейся в стекло забитого окна мастерской. Казалось, сам воздух затаил дыхание. Городок притворился мёртвым.

— Пошли, — коротко бросила она, сжимая находку в кулаке. Металл был холодным и неожиданно тяжёлым — будто вобрал в себя всю ледяную тяжесть той тайны, что висела над городом.

— Куда? — голос Тимми сорвался на писк. — Кто-то же следил! Теперь они за нами придут!

— Туда, где не видно из окон, — Эмми уже тащила его за собой в узкий проулок между домами.

Это был не просто инструмент. Это была первая щель в стене молчания. Она сжала часовый ключ так сильно, что пальцы побелели, а на ладони отпечатались грани. Вопрос был лишь в том, что они обнаружат, разбив эту преграду дальше — и не выпустят ли сами ту беду, что бродила по округе.

И вдруг ей вспомнился голос бабушки, шепчущий в детстве, когда она не могла уснуть: «Когда тишина гуще, чем воздух — не бойся, она не пустая. В ней — эхо ушедших. И если прислушаться... можно услышать, как они дышат».

Она не верила в призраков, но сейчас впервые ей показалось: где-то глубоко, под ногами, кто-то вздохнул в ответ.

Глава 3

Дом и его тени

На следующий день Эмми вернулась после неудачной вылазки к мастерской. Она толкнула входную дверь, но та, как всегда, заела. Эмми налегла на неё плечом — массивное дерево с противным скрипом поддалось, и она буквально впрыгнула в узкий тёмный коридор.

Сделав шаг вглубь — и тут же одна из широких половиц под её ногой ухнула вниз с громким, влажным хрустом. Эмми едва удержала равновесие; сердце мгновенно прыгнуло в горло, перекрывая дыхание. Она отшатнулась — и доска тут же встала на место, будто и не проваливалась.

Но в нос ударил не просто запах сырой земли и плесени. Он был сладковато-металлическим, точь-в-точь как у старого ключа, который она носила с детства. Только тогда тот пах надеждой, а теперь — тягучим, липким ожиданием. Эмми почувствовала, как ладони похолодели, а кончики пальцев закололо от этого аромата.

Дом жил своей собственной, непредсказуемой жизнью, постоянно испытывая её на прочность. Как бы в подтверждение этих мыслей, снаружи, со стороны улицы, раздался резкий оклик:

— Эммильда! А ну-ка, подойди ко мне!

Эмми вздрогнула, и по её телу пробежала мелкая дрожь. Она выглянула в небольшое кривое оконце в толстой стене. На узенькой улочке, заросшей у краёв колючей розой, стояла тётя. Она возвращалась с больничной смены; лицо её было серым и напряжённым.

— Ты сегодня у больницы шастала? — спросила она, не здороваясь. — Вижу, глаза у тебя бегающие, как у кошки, которая сметану слизала. Ищешь чего? Говори прямо.

В её голосе прозвучала не только злость, но и глубокая, тщательно спрятанная тревога. Эмми вспомнила: в тот день, когда она нашла ключик, тётя смотрела на неё так же — будто видела не ребёнка, а отпечаток шага в грязи после дождя. Тот самый, который оставило нечто ушедшее... и ещё не забывшее дорогу обратно. От этого взгляда у девочки свело челюсть. Она отступила от окна.

— Я мимо шла... — начала она, чувствуя, как голос даёт осечку.

— Не ври мне, Эммильда. Я тебя как облупленную знаю. — Тётя фыркнула. — Значит, мимо? Завтра идёшь со мной. Поможешь донести старые бумаги и журналы для разжигания печи.

Тётя молча прошла в дом, хлопнув дверью так, что пыль посыпалась с потолка прямо на макушку.

На следующее утро Эмми разбудил не аромат корицы и кофе, а резкий стук.

— Вставай, соня! «Через полчаса выходим!» — прокричала за дверью тётя Марго.

Эмми с трудом открыла глаза: солнце только поднималось, заливая комнату бледным светом. Она спустилась вниз, ожидая чего угодно, но только не того, что увидела на кухне. На столе стояли две кружки с дымящимся какао, а рядом, на блюде, лежала небольшая горка воздушного зефира в шоколаде. Марго была уже одета в своё обычное строгое платье.

— Садись, — сказала она чуть мягче, чем вчера. — Попей на дорожку, и расходиться будем.

Этот неожиданный жест доброты сбил Эмми с толку. В животе возникло странное чувство — смесь благодарности и нарастающего подозрения. Племянница ловила себя на мысли, что тётя сегодня слишком задумчива, словно готовилась к чему-то важному.

Через полчаса они вышли. Утро было ясным и холодным. По дороге к больнице они молчали, а Эмми краем глаза наблюдала за просыпающимся городком. Но чем ближе они подходили к большому двухэтажному каменному зданию с облезлой штукатуркой, тем сильнее сжималось её сердце.

Больница встречала их гробовой тишиной. Не было слышно ни привычной суеты за дверью, ни голосов из регистратуры. Массивная дубовая створка со скрипом открылась, впуслав их в царство затхлого воздуха.

Длинные коридоры были пустынные и погружены в полумрак; сквозь высокие окна в здание пробивались солнечные лучи, в которых плясали мириады пылинок. Где-то вдали капала вода, и этот звук одиноко отдавался эхом под сводчатыми потолками, заставляя Эмми вздрагивать при каждом всплеске.

— Никого нет? — шёпотом спросила она. Собственный голос показался ей чужим и слишком громким.

— В старом крыле уже лет пять никто не лежит, — так же тихо ответила тётя, доставая из кармана тяжёлую связку ключей. — Только архив да склады. Да я иногда захожу... по своим делам.

Её шаги гулко отдавались по каменным плитам. Эмми шла следом, ощущая, как волосы на затылке приподнимаются. Ей казалось, что здание наблюдает за ними из-за каждой полуоткрытой двери, где в темноте белели покрытые койки с простынями, похожие на спящих призраков. В нос бил густой запах йода и подвальной сырости — сладковатый и ядовитый, как аромат гниющих грибов. От этого у Эмми слегка закружилась голова.

Тётя прошла по длинному, слабо освещённому переходу, где свет люминесцентной лампы мигал, отбрасывая прыгающие тени на стены, испещрённые трещинами. Казалось, эти пятна живут своей собственной жизнью — более долгой, чем у человека. Марго толкнула дверь в маленькую комнату. Это был тётин кабинет, заставленный шкафами и склянками.

— На, держи. — Тётя протянула Эмми картонную коробку. Углы её были мягкими и истёртыми, будто её много раз перевязывали и снова заклеивали, пытаясь удержать содержимое. — Это старые журналы и уже ненужные больничные дела на растопку. Выкидывать жалко, а они ещё могут послужить. Вроде всё. Теперь иди домой и никуда не сворачивай. Если что — я узнаю.

Эмми взяла коробку — она была тяжёлой и пыльной. Пыль пахла временем и болезнями.

— А что там за бумаги и газеты? — не удержалась Эмми.

Тётя Марго остановилась у раковины, смывая пыль с рук.

— Истории нашей больницы, — коротко бросила она. — Всякие недуги. Не нужно забивать голову глупостями, тем более если всё равно не знаешь всего. Поняла?

Её взгляд был сердитым. В этом кабинете, пахнущем прошлым, её слова звучали как прямая угроза.

— Поняла, — прошептала Эмми, чувствуя, как ноша в руках начинает дрожать.

— Ну всё, ступай домой, — тётя повернулась к ней спиной, заканчивая разговор. — И чтоб я тебя возле больницы без дела не видела. Ясно?

Эмми кивнула и поспешила к выходу, ощущая на спине её колющий взгляд. Она поняла главное: больница — не просто старое здание. Это хранилище того, что тётя Марго пыталась забыть и спрятать ото всех. И особенно — от неё.

Главной достопримечательностью, давшей городку имя, был старый колодец. Не тот, что на площади, а другой — за домом тёти Марго, спрятанный в глубине заброшенного сада за буйством шиповника. Тётя не любила, если к нему подходили слишком близко, и в её глазах мелькало нечто, от чего у Эмми замирало сердце. Она чувствовала, что колодец ждёт своего часа и помнит всё. Эмми знала о нём больше других. Вода в нём была ледяной даже в самый

жаркий июльский полдень. А если бросить камень, эхо возвращалось на секунду позже — будто долетало из какого-то другого времени.

И вот она снова перед домом. Он был не просто архитектурным кошмаром, он был существом. Низкий, выцветший от времени, с кривыми ставнями, которые скрипели на ветру, жалуюсь на свою долю. Один угол проваливался в землю, другой торчал вверх; окна располагались несимметрично. С одним из них, которое не закрывалось, Эмми постоянно отшучивалась перед Тимми: «Это не баг, а фича!» — когда тот в ужасе смотрел, как ветер раскачивает раму.

Первый этаж перекосило так, что дверь приходилось подпирать камнем, иначе она сама распаивалась по ночам. Второй ярус нависал над первым, будто собирался рухнуть, но почему-то держался. Крыша поросла мхом, а в трубе гнездились вороны — они каркали ровно в полночь.

Дом был полон сюрпризов. На стене висел странный циферблат без стрелок — подарок часовщика Генриха. Диван с продавленным местом, будто кто-то невидимый сидел там каждую ночь. Шкаф со склянками. На кухне — печь, которая трещала даже летом, словно ругалась на жару.

А ещё Эмми знала: пол в её комнате скрипел под определёнными досками. Если наступить на них в порядке 3–5–2, из подвала доносился глухой, влажный звук, от которого по коже пробегал мороз. Окно, которое открывалось само, когда луна была полной.

Но это были секреты. Днём дом становился просто кривым, старым и бесконечно родным. А ночью, когда луна заглядывала в стёкла, он по-настоящему просыпался и начинал дышать.

Крыша напоминала спину кота, которого только что разозлили. Он был не просто на окраине городка — он стоял на грани чего-то большего, сошедшего с ума от времени. Он цеплялся каменным фундаментом за землю, боясь, что его вот-вот унесёт ветром. Он был похож на старика, застывшего в немом крике.

И в тишине осеннего вечера ему наконец-то удалось издать этот вопль — скрипом старых досок, шорохом мыши за стеной и гулом крови в висках у той, кто осмелилась его слушать.

Эмми подняла руку — не чтобы заткнуть уши, а чтобы пересчитать: три удара сердца — вдох, пять — пауза, два — выдох. Так учила бабушка отсчитывать время. В день, когда замолк второй колодец... и исчезла Вера.

Глава 4

Осенняя тишина, которая звенит громче грома

Лето сгорело быстро и безжалостно, словно кто-то гигантской рукой поджёт край зелёного ковра — и огонь, шипя и потрескивая, за считанные дни спалил его дотла, обнажив серую, влажную землю.

Осень пахла яблоками и корицей, дымом и остывающим металлом. Она была временем, когда все краски тускнели, выявляя серый, каменный фундамент мира. Казалось, весь особняк тёти Марго напрягся и затаился, втянув голову в плечи, как ёж, чувствуя приближение холодов — и чего-то ещё, чего невозможно было назвать по имени.

Воздух октябрьского утра был прохладен, прозрачен, остр и колок. Он больно щипал щёки и забирался под одежду, заставляя шагать быстрее. Эмми шла в школу, утопая по шиколотку в ковре из пожелтевших листьев. Те шуршали под ногами с тихим, печальным звуком — похожим на шёпот. Клён у булочной стоял багровый, как застывшая кровь, и с него то и дело падали тяжёлые, мокрые листья-звёзды, глухо шлёпаясь о брусчатку.

С каждым днём становилось всё холоднее, и городок готовился к зиме, замыкаясь в себе. Дым из труб стал гуще, пахло жжёными дровами. Но вместе с теплом очагов в дома вернулась выжидающая тишина.

Люди прислушивались к скрипу ворот, к завыванию ветра, к тому, как голые ветки скребутся в стёкла. Каждый шорох, каждый крик вороны отдавался эхом, которое звучало громче самого звука. В такие минуты у неё невольно поджимались пальцы в ботинках, а плечи поднимались выше, защищая шею.

Она прошла мимо мастерской Эдгара. На дверях уже успела появиться паутина, запорошенная мелкой осенней изморосью. Окно было слепым и пустым. Эмми наступила на ту самую каменную плитку у крыльца — ту, что когда-то проваливалась под ногой. Теперь она скрипела ещё пронзительнее, предательски громко, но больше не уходила вниз.

Даже Тимми стал другим: меньше ворчал, выглядел сосредоточенным и взрослым. Он больше не спрашивал: «Может, не надо?», он просто шёл рядом, сжимая лямки рюкзака так сильно, что костяшки его пальцев белели.

В классе пахло мелом и мокрой шерстью. Миссис Лилит, вечно простуженная учительница истории, монотонно стучала указкой по старой карте:

— Город Ржавый Ключ был основан как торговый узел... — гнусавила она, не глядя на учеников.

Эмми смотрела на карту. На ней всё выглядело правильным и логичным — квадраты кварталов, нитка реки. Но она знала, что между этими линиями сияют дыры, о которых учебники молчат.

— А почему на карте нет оранжереи у леса? — вдруг спросила Эмми, прервав тишину.

Миссис Лилит замерла. Весь класс обернулся к ней. Тимми под столом больно пихнул её в бок кроссовком.

— Это частная территория, Эммильда, — сухо ответила учительница, и в её глазах на миг мелькнуло что-то похожее на испуг. — К тому же, здание давно разрушено. Оно не представляет исторической ценности.

— Но люди говорят...

— Мало ли что говорят люди! — голос миссис Лилит сорвался на кашляющий хрип. — Открой параграф двенадцать и читай про экспорт древесины. Живым нужно думать о живом.

Эмми опустила взгляд на парту. «Живым нужно думать о живом». Это звучало как предупреждение.

Проходя мимо школы, Эмми увидела, как двое малышей пытаются достать мяч, закатившийся под крыльцо школьного портика. Не раздумывая, она ловко подскочила, юркнула в узкий проём и выкатила мяч ногой. Малыши замерли, уставившись на неё во все глаза — не на игрушку, а именно на неё.

— Спасибо... — прошептала девочка, не решаясь приблизиться.

А её брат вдруг спросил напрямик:

— Правда, что ты с призраками разговариваешь?

В их взглядах не было восхищения. Был голый, неподдельный ужас, приправленный жгучим любопытством. Эмми почувствовала, как в груди защемило.

— Нет, — буркнула она, отряхивая ладони от пыли. — Призраков не существует. Существуют только дураки, которые в них верят.

И она пошла прочь, спиной ощущая, как дети продолжают стоять и смотреть ей вслед — словно на привидение.

— Значит, сразу после уроков идём к Монике, — решительно заявила Эмми, подбрасывая ногой охапку листы. — Спросим про булочки с корицей. И заодно...

— ...выведаем, не приходил ли к ней на днях Эдгар за сдобной ватрушкой перед исчезновением, — мрачно закончил Тимми. — Блестящий план. А если она спросит, зачем нам это? Скажем, что пишем сочинение: «Как булочки влияют на исчезновение мастеров»?

Эмми уже хотела что-то ответить, но в этот момент из-под куста шиповника с шуршанием выскочила пушистая рыжая белка и замерла прямо перед ними, зажав в лапках орех.

Тимми, погружённый в мрачные мысли о допросе булочницы, вздрогнул и отпрыгнул в сторону — прямо в лужу. Брызги холодной воды ударили ему по щиколоткам, и он шумно втянул воздух сквозь зубы.

— Это всего лишь белка, детектив, — фыркнула Эмми, хотя сама непроизвольно замедлила шаг. — Не привидение же, в самом деле.

— Она смотрит прямо на меня! — прошипел Тимми, отряхивая мокрый ботинок. — Как будто что-то знает. И не хочет говорить.

Белка действительно сидела столбиком, её чёрные бусины-глаза внимательно изучали подростков. Казалось, в самой её позе читалось немое удивление.

Над их головами с криком пронеслась стая перелётных птиц, выписывая на блёклом небе чёткую стрелу. Они летели на юг, унося с собой последние намёки на лето. Белка, словно дождавшись своего момента, стремительно рванула обратно под куст, оставив их одних на тихой мощёной улочке.

— Видишь? — не унимался Тимми, с подозрением глядя на шевелящиеся ветки. — Сбежала. Наверняка побежала докладывать. У них тут, не иначе, целая сеть информаторов среди животных.

Эмми покачала головой, но лёгкая улыбка тронула её губы. Его паника была заразной.

— Ладно, спецгент, — она тронула его за локоть, заставляя сдвинуться с места. — Если встретим говорящего ворона, тогда и начнём паниковать. А пока — школа, уроки и план.

Они снова зашагали по дороге, но теперь лёгкое напряжение между ними смягчилось. Когда они разошлись по разным сторонам, Эмми, обдумывая завтрашнюю контрольную, повернула за угол и замедлила шаг.

Из-за высокого каменного забора доносились приглушённые, взволнованные голоса. Она узнала низкий, дрожащий голос библиотечарши миссис Клэр и твёрдый, сдавленный шёпот тёти. Эмми инстинктивно прижалась к холодной кирпичной стене, не решаясь сделать ни шага — чтобы не выдать себя.

— ...Нельзя больше, Марго! — почти плакала миссис Клэр. — Они же копаются, сама видела! Мало ли что в голову взбредёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.